

А. Мефодиев

Девушка
и писатель

Алексей Мефодиев

Девушка и писатель (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22973032

Девушка и писатель: Летний сад; М.; 2005

ISBN 5-94381-143-5

Аннотация

Художественные произведения повествуют читателю о красочных перипетиях судеб героев нашего времени. Образы, взятые из реальной жизни, вызывают острый интерес. Непредсказуемые сюжеты, затрагивающие социальные и нравственные аспекты, интригуют, позволяют взглянуть на обыденность с самой неожиданной стороны, давая читателю богатую пищу для размышлений.

В чем кроются причины поступков героев захватывающих рассказов? Какие ловушки готовит им судьба? Чем обернутся для них обстоятельства, уготованные жизнью?

Ответы на эти вопросы читатель найдет, перелистывая страницу за страницей книг, представленных на сайте. Легкий слог и образный язык произведений позволяет «на одном дыхании» перечитывать рассказы Мефодиева.

Содержание

Прогулка Иван Ивановича	5
Удача	10
Петя и Гномы	17
В стране Востока	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Мефодиев

Девушка и писатель

© А. Мефодиев, 2005

© «Летний сад», оригинал-макет, оформление, 2005

Прогулка Иван Ивановича

*Бывало, идет человек, увидит на земле лежащий
кувшин, да и пройдет себе мимо, а другой его и пнет
вдобавок*

Фрагмент ассоциативной загадки

Как-то раз в начале июня в субботу Иван Иванович шел берегом реки. Было это утром. Хотя утро уже не было ранним, все же это было еще утро, и потому все вокруг продолжало говорить о том, что день только лишь начинается.

Солнце, еще не достигшее своего зенита, как будто сообщало:

– Видите, я еще только начинаю свой путь по небосводу. И вам внизу еще много и многое отпущено.

Тут следует сразу же отметить, что Иван Иванович никак не ощущал себя находящимся внизу. Более того, душа его скорее парила на уровне как минимум того самого солнца.

Оставив ненадолго хоть и парящую, но все же брентную душу Иван Ивановича, вернемся к причинам, ввергшим ее в столь легкий полет. Так как утро не было ранним, Иван Иванович имел возможность хорошенько выспаться. Стоит ли говорить, что не имевший обыкновения утруждать себя субботне-воскресным трудом, Иван Иванович с доблестью реализовал возможность полноценного сна. Сколь многим известна важность полноценного сна в жизни человека обычного!

Да и, пожалуй, не совсем обычного, а чем-то даже выдающегося человека, к коим, по детской наивности, столь свойственной многим вполне серьезным и взрослым людям, тайно относил себя Иван Иванович.

– Почему тайно? – спросит кто-либо. – В смысле, почему не открыто признавал он себя кем-то исключительным, а тайно. Видимо, это происходило оттого, что не мог Иван Иванович дать сам себе прямой и ясный ответ, в чем же заключается его непохожесть на других. Все это приводило к некоторой раздвоенности между рациональным рассудком Иван Ивановича и его же неясными душевными порывами. Бывало, в разговоре скажет Иван Иванович что-то вроде:

– Я, обычный человек... – а душа его с тихим стоном тут же шепчет: «Ну что ты, Ванюша, какой же ты обычный, зачем же так о себе?»

Однако в то прекрасное утро Иван Иванович шел один и вовсе не думал о вопросах собственной, или чьей бы то ни было исключительности. Ясному взору его открывались бескрайние поля среднерусской полосы. Звонкий треск кузнециков и пение полевых птиц звучали рефреном Оды радости в ушах Иван Ивановича. Голубое небо, не обеспокоенное ни единым облаком, отражалось своей голубизной и бескрайностью в реке и в безмятежном сознании Иван Ивановича. Собственно говоря, сознание Иван Ивановича и представляло в это время некую реку, мысли его неспешно текли отражением прозрачной синевы неба, сочной зелени травы и, конеч-

но же, по-детски радостно улыбавшегося солнца, все еще не достигшего своего зенита.

Как уже было замечено, мысли Иван Ивановича в упомянутое время не поддаются точному описанию. Одно лишь можно было с уверенностью сказать: были они сочно-зеленого и нежно-голубого цвета.

Некоторое время назад Иван Иванович дважды пересек быстрым кролем упомянутую реку. Ведь Иван Иванович считал себя решительным человеком, а лучшим стилем плавания, отражающим решительность натуры, являлся, по его разумению, кроль. Никак не желавшие полностью испариться капельки воды на теле его являли собой свидетельство недавних водноспортивных достижений. Однако не к ним, земным радостям, тянулась ясная душа, но ввысь и вдаль за поворот дороги, за поворот реки – и так до горизонта.

Тут, однако, произошло нечто совершенно неожиданное. Светлый взгляд Иван Ивановича, доселе неопределенно блуждавший по неясным очертаниям отдаленных полей и лугов, неожиданно столкнулся с вполне ясными и, надо сказать, прекрасными очертаниями молодой женщины, которая неспешно шла ему навстречу. Неторопливая походка, истомленный взгляд, загорелое лицо, обрамленное прекрасными золотистыми волосами, небрежно обхватывающая ее стройные бедра повязка – все в ней говорило о безмерной страсти. Взгляд Иван Ивановича, однажды упав на незнакомку, более уж с ней не расставался до самого момента, как они порав-

нялись. В тот самый миг точно теплой волной обдало его. Он явственно услышал томный шепот. Распутная, согласно пониманию Иван Ивановича, незнакомка прошла тем временем мимо, не взглянув на него. Но что она прошептала? «...Меня...возьми меня», – или: «...бери меня, меня возьми»? Хоровод простых слов, составленных в разной последовательности, дико кружил в бедной голове Иван Ивановича, враз потерявшего всякий покой. Разные мысли на одну и ту же тему одолевали его, наезжая друг на друга и не желая знать никакой очередности. Он думал приблизительно так: «...Послышалось мне или нет? Ведь явно – нет. Но с какой стати? Как с какой? Ты сам-то разве не знаешь. Обернуться? Нет. Вернуться? Да. Зачем? Нет. Чего зачем? Да-а. Исключительна. Наверное, не одна. Откуда она такая изможденная? Мне что за дело? Пойти за ней? И что? Как что. Наверное, не одна...»

Тут, ища ее спутника, взгляд Иван Ивановича скользнул по кустам, обрамлявшим реку. Нет, никого.

Нет, Иван Иванович так и не обернулся и не пошел за ней в тот раз. Увлекаемый инерцией своего изначального маршрута, он двигался по заданной траектории, как уже не раз бывало в его жизни, не обращая внимания на внешние перемены. Лишь по прошествии времени склонный к аналитическому мышлению Иван Иванович по-новому истолковывал знаковые события своей жизни – в момент же их наступления они не представлялись ему таковыми. Напротив, они казались ему

чем-то отвлекающим, а порой и вредным.

Полуденное солнце беспощадно жгло непокрытую голову Иван Иваныча. Его затуманенный взгляд скользил по окрестным лугам и полям, не особенно их различая, ибо мысли Иван Иваныча, вопреки его воле, двигались в противоположном направлении.

Май 2004

Удача

Однажды, где-то в конце бурных восьмидесятых прошлого столетия, когда громадная и некогда могущественная империя Советский Союз, подобно смертельно раненому, но все еще свирепому зверю, в предсмертной агонии доживала свои последние дни, два молодых человека пообедали в «Са-войе», одном из лучших московских ресторанов того времени.

В ресторане царило внушавшее уверенность спокойствие. Посетителей было немного. Официанты были вежливы и даже, в своем роде, предупредительны, насколько эта характеристика применима к славным работникам общепита советского образца. По периметру трех небольших ресторанных залов стояли кадки с экзотическими цветами. Полы были устланы дорогими коврами, а на стенах висели гобелены искусной работы. Седой пианист негромко перебирал клавиши черного концертного рояля, и популярные мотивы легкой музыки плавно заполняли залы, не мешая при этом разговору.

Это уже годы спустя, когда жизнь во вновь созданном государстве как-то упорядочилась, деловые обеды, или «ланчи», как их называли в определенных кругах на английский манер, перестали быть чрезмерными. В ту же пору, невзирая на мольбы органов пищеварения о пощаде, было принято

обедать «как следует». Да и могли ли люди великой страны, точнее сказать их незначительная часть, совершив прорыв из области хронического дефицита, довольствоваться малым? Нет, нет и нет! Хотелось всего и сейчас. И гастрономические экскурсии не являлись здесь исключением.

В этой связи обеденный стол двух друзей просто ломился от бесконечной череды изысканных, по меркам основной части населения, блюд. Последовательность напитков, конечно же, определялась каждым блюдом в отдельности.

В перерыве между супом и основным блюдом один из друзей выглянул из окна. А там бушевала «перестройка», усугубленная естественными суровыми климатическими условиями начала декабря. Тут было все: измученные рутинной мрачные лица пешеходов, слякоть, старуха-нищенка, вывеска «Книги», какие-то лотки, откуда велась бойкая торговля какой-то дрянью гротескно розовощекими и, несмотря ни на что, не унывающими приезжими торговцами. Сумерки еще не наступили, но стальное декабрьское небо, казалось, навсегда уже заполнило улицы серым цветом.

«Бррр», – то ли подумал, то ли действительно фыркнул тот друг, что ранее выглядывал из окна. Увиденное наполнило его ощущением превосходства над своими согражданами, которые, очевидно, не могли вот так со вкусом проводить обеденное время в «Савойе». По-видимому, думал он, многие из них даже не знали вовсе, какие бывают блюда и с какими напитками их требуется употреблять. То ли дело он,

Васин – такова была фамилия молодого человека, смотревшего из окна «Савойя». С другой стороны, все это неприятным образом диссонировало с внутренним убранством ресторации, привнося в душу смутное беспокойство. Скажем, увиденное снаружи мешало празднику жизни двух друзей. А праздновать им было что.

Несколько часов назад они закрыли уже третью сделку по продаже небольшой партии компьютеров и заработали изрядные, по меркам своей среды, деньги. Все нервные переживания, риски, постоянная спешка, связанные с этим, остались на какое-то время позади. В конце концов, они заставили обстоятельства подчиниться своей воле. И теперь им хотелось немного передохнуть.

Нет, друзья не были бесцельными прожигателями жизни. Они были полны новых, еще более интересных и дерзких идей в области увеличения их пока еще небольшого капитала. Еще год назад они были искренне рады покупке двух новеньких малолитражек отечественного образца, тогда как сегодня ожидающий у подъезда «Форд» более не казался им чем-то особенным. Помыслы их были устремлены далеко вперед. Они уже обсуждали смену «Форда» на «Вольво» или даже на «Мерседес». Пожалуй, теперь они могли позволить себе водителя. Как много бессмысленных забот, связанных с заправкой, помывкой, парковкой авто уйдет в прошлое, освобождая место новому и прекрасному. В настоящий же момент друзья были увлечены обсуждением заслуженного

отдыха на Канарских островах. Тут следует отметить, что для обычного советского человека конца «перестройки» и «Форд», и «Мерседес», и Канарские острова, равно как и сам ресторан «Савой», являлись довольно абстрактными категориями ввиду своей недоступности. Более того, жизнь большинства соотечественников как раз таки и была вся соткана из занятий, сродни рутинным заботам по помывке и починке стареньких машин. Осознание этого незатейливого факта внушало чувство собственной исключительности. Ведь жизнь двух молодых людей была ключом бесконечной сменяемости событий и постоянной новизны ощущений. А что может быть прекрасней ощущения новизны!

Друзья не только поймали свою удачу, они ежедневно жили насыщенной жизнью, и чувства, переполнявшие их, рвались наружу. Надо было кому-то рассказать о том, как это здорово жить вот так, как они, иметь много денег и возможностей. Кроме того, обед уже подошел к концу.

– А не заглянуть ли нам к Витьке? – спросил Петров и волевым взглядом посмотрел в глаза Васину.

– Ну да, идея что надо! Ведь он прямо здесь за углом, на Версанофьевском. Сколько ж мы не виделись? Года четыре – с окончания института? Чем-то он сейчас занят?

– Вот и увидим.

Расплатившись по счету, они вышли из ресторана. Негромко поскрипывая натертыми до блеска ботинками из черной кожи наилучшего образца, в черных двубортных ко-

стюмах и хорошо подогнанных пальто фирмы «Босс», друзья являли собой воплощение самой воли и целеустремленности.

Уже через пять минут они взбирались на пятый этаж некогда прекрасного, а ныне находящегося в полном запустении дома в стиле «модерн» начала того же века. Модерн, как известно, не терпит нищеты. Она печальным образом скрадывает этот изящный стиль.

Но в сердцах двух друзей не было и тени печали. Они вихрем внеслись в хорошо знакомую им комнату в коммунальной квартире, которую продолжал занимать Витька.

Здесь все было по-прежнему. Время, как в сказочном монастыре Шангри-Ла, текло замедленно по отношению к внешнему миру. Как и годы назад, углы просторной комнаты с ободранными обоями были уставлены пустыми бутылками. На незатейливых полках стояла масса разнообразных книг. Пыль на них никогда не вытиралась, ибо никто из многочисленных дам не задерживался в Витькиной квартире более одной ночи. Сам же Витька, живший в наполовину вымышленном книжном мире, субстанций от мира сего, таких как пыль, вовсе не различал. Единственная новизна была представлена мандалой синтоистского образца, каким-то образом приклеенной под самым потолком.

Витька сидел на драной циновке, многие годы назад брошенной кем-то на пол. Возможно, ее принесла одна из девушек, пожелавшая таким образом оставить свой след в его

жизни. Надо отметить, Витька всегда нравился женщинам. Отчего это происходило – сказать было трудно. Возможно, оттого, что в отношениях с ними, как и со всем миром, он придерживался заповеди Лао Цзы: «Хочешь привязать – забудь о веревке». Хотя, скорее всего, женщины просто знали, что с ним им будет хорошо. Но ни им, ни чему-либо другому Витька не придавал особого значения. Он не делил вещи на важные и неважные. По всей видимости, он не особо различал для себя плохое и хорошее. Самые разные люди приходили к нему. Иногда это были друзья, иногда друзья друзей, а иногда совершенно посторонние люди. Взять кроме книг да старой гитары у него все равно было нечего. Вещи случались с ним естественным образом, и Витька этому не противился. А посему он никогда никуда не торопился.

Кроме Витьки на циновке сидел какой-то бородатый парень в джинсах. В руках у них были гитары. Они играли и пели. Две симпатичные девушки сидели на старой единственной тахте и, слушая песнопение сидящих на циновке, неторопливо раскачивались в такт песни.

*«...Жемчужная коза,
тростник и лоза,
мы не помним пределов,
мы вышли за...»*

От табачного дыма в комнате можно было вешать топор. Тут же стояла неременная банка соленых огурцов, как буд-

то ее просто забыли убрать, и она простояла здесь все четыре года.

Витька посмотрел на вновь вошедших просветленным взглядом, отражавшим вселенскую любовь, и дружелюбно, как будто они не виделись со вчерашнего дня, спросил:

– Портвейн принесли?

Май 2004

Петя и Гномы

Сегодня был чертовски тяжелый день, дорогая, – проговорил Павел Павлович Вяземский, выпустил два кольца сигарного дыма и умиротворенно окинул взглядом ровно подстриженный зеленый газон, на котором был поставлен накрытый для легкого ужина стол. Вечерняя прохлада была приятной наградой после напряженного июньского дня, в течение которого Павел Павлович, по его словам, задал кому-то хорошую трепку. Павел Павлович был судьей, и частенько в суде вершил человеческие судьбы. Павел Павлович был атлетически сложен и всячески поддерживал себя в хорошей спортивной форме, уделяя этому вопросу немало времени.

– А ведь в городе все еще жарко, тогда как здесь, в загородном доме у самой реки, просто прелестно, – рассуждал Павел Павлович, удобно развалившись в массивном кресле. – Как правильно мы поступили, купив этот дом. – И при этом, потягиваясь, подумал: «Хорошо, когда сам себе господин, сказано – сделано, решил купить себе дом – и купил, да и на работе почти также, разве что не столь очевидно».

Жена его, Наталия Ильинична, дама средних лет и приятной наружности, была врачом. Несмотря на многие годы, прожитые совместно, они продолжали испытывать друг к другу самые теплые чувства. И посему Наталия Ильинична

с большим вниманием слушала слова мужа, а он – ее. Их недолгая расслабляющая беседа была, впрочем, вскоре прервана.

– Мама, мама! – их пятилетняя дочь плача бежала по гравиевой дорожке. – Петька опять мучает ночного мотылька!

– Петя! Сынок, пойди сюда. Как тебе не стыдно! Ты укорачиваешь и без того короткую жизнь этих несчастных созданий, – промолвила Наталия Ильинична. – И откуда в тебе эта жестокость?

– С возрастом это пройдет, – спокойным тоном заметил Павел Павлович.

Их сын Петя, розовощекий мальчуган восьми лет, стоял, понунив голову. Он знал, что мучить кого бы то ни было, пусть это даже маленький белый мотылек, который живет всего лишь один день, нехорошо. Хотя в глубине души он и не совсем понимал, зачем вообще нужна такая короткая жизнь, сейчас не этот риторический вопрос мучил его. Ему было стыдно. Стыдно было еще и оттого, что не далее как час назад он, играя, передавил десятка два муравьев.

«Слава богу, – думал Петя, – противной Насти не было поблизости, и теперь об этом никто не узнает». Но сам-то Петя знал, что он это сделал. Знал, что это нехорошо. И от этого он стоял и краснел еще больше.

Справедливости ради следует заметить, что Петя давил муравьев не оттого, что был жестоким мальчиком. Он просто не отождествлял их с по-настоящему живыми существами.

Да и как их можно было отождествлять с оными? Петя много раз задумывался над этим. Спроси его, над чем, и он по малости лет не смог бы объяснить, что именно его интересовало. А интересовало его муравьиное восприятие жизни. В начале своих так называемых экспериментов Петя просто наблюдал за муравьиной жизнью. У них была интересная, хорошо организованная жизнь. Пете казалось, что действия муравьев были должным образом осмысленны. Они были заняты своим делом. Они ходили на работу. Каждый – на свою. Кто-то строил жилище-муравейник, кто-то доставал пропитание. Они заводили потомство и заботились о нем. Временами они участвовали в войнах с другими насекомыми.

«До некоторой степени, – думал Петя, используя папину лексику, – они похожи на людей, только очень маленьких. Если бы вот только они могли ходить на двух ногах, а не ползать сразу на шести».

Станным было лишь то, что, очевидно, муравьи не воспринимали Петю вовсе. Он для них как бы не существовал, хотя и был рядом, наблюдал за ними.

«Сказать по правде, – думал Петя, – они находятся полностью в моей власти, но я для них не существую». Этот вывод Пете не понравился, и он, вознамерившись призвать муравьев к пониманию того, «кто в доме хозяин», начал проводить свои, довольно жестокие, эксперименты. Он ставил палец на пути у ползущего муравья. Нет! Муравей не поднимал головы, чтобы посмотреть, откуда взялся этот огромный

мешок. Он просто продолжал ползти своим муравьиным путем.

«Отчего это происходит?» – задавался вопросом Петя, будучи любознательным мальчиком. Он поделился своими наблюдениями с отцом.

Отец задумался и, с интересом посмотрев на сына, ответил:

– Я полагаю, что муравью, в силу различных причин, как то: неразвитость интеллекта или его полное отсутствие, неразвитость органов восприятия и так далее, не дано воспринять твое или мое присутствие. И он, таким образом, живет в полном неведении относительно нашего существования, хотя полностью воспринимает предметы и насекомых, находящиеся с ним на одной плоскости. Он реагирует лишь на то, что ему дано воспринять. И не реагирует на субстанции, находящиеся за пределами его восприятия.

Объяснение отца показалось Пете достаточно запутанным, и он продолжил практические изыскания. Он давил муравьев пальцами, разрушал их жилище. Но если те же смертоносные пальцы сжимали соломинку, вдруг оказавшуюся на пути муравья, бедняга зачастую начинал по ней опрометчиво карабкаться.

В настоящий момент любознательный мальчик, как это порой случается, был призван к ответу за свои действия и стоял, потупив светлые очи исследователя.

– Я больше так не буду, – кротким голосом промолвил

ребенок, чьи перста еще так недавно являли собой разящую десницу судьбы в мире муравьев.

– Ну вот и хорошо, а теперь всем детям пора спать, – сказала Наталия Ильинична и нежно погладила дочь и сына.

Гувернантка Нино взяла детей за руки и повела в их детские спальни.

Из-за пережитого чувства стыда Петя ощущал усталость и сразу же заснул. За мгновение до погружения в сон он услышал встревоженные голоса, которые доносились с лужайки перед домом: «Сердце! Врача!»

Проспал же Петя, как ему показалось, совсем недолго. Его разбудил тоненький голосок:

– Что же ты спишь, соня? Ведь уже рассвело.

Петя открыл глаза и, к своему удивлению, увидел маленькую девочку, сидящую на подоконнике. Девочка была совсем крошечная и почти прозрачная. На голове у нее была корона такая же крошечная, как она сама, а в руке она сжимала стеклянную палочку.

«Это же фея», – подумал Петя.

– Что же ты спишь? – повторила фея.

– Ведь еще очень рано, – подумав, ответил рассудительный Петя.

– Пять часов утра – это рано? – удивилась фея. – Все птицы давно поют. Хочешь пойти со мной послушать их прелестные трели?

– Я думаю, папа и мама будут очень недовольны, если

узнают, что я встал так рано. К тому же, я могу слушать пение птиц, не покидая своей комнаты.

– Тогда, может быть, ты хочешь попасть в страну волшебных гномов? – нахмурившись, спросила фея, любившая пение птиц больше всего на свете и оттого не понимавшая, как можно отказываться от такого.

– Это интересно, но что скажут мама и папа? Боюсь, они не отпустят меня, – ответил Петя, не заметив легкого упрека в голосе феи.

– А ты действительно хочешь? – еще мрачнее спросила фея.

– Да. Очень-очень!

– Разве ты не знаешь, – сказала фея, – что если что-то действительно хочешь, спрашивать мнение других совершенно излишне. И даже вредно.

– А как мы туда попадем? – спросил Петя, решительно вставая с постели.

– Наикратчайшим путем, – ответила фея, протягивая руку мальчугану.

– Мне немного страшно, – сказал мальчик.

– Когда ты начинаешь путь, ты должен быть готов пройти его до конца, вопреки всем препятствиям, – ответила легкомысленная фея. – Если бы ты знал, как много прекрасных начинаний было задушено страхом.

Петя взял фею за руку и в страхе закрыл глаза. А когда он их открыл, то обнаружил, что они плавно летят все выше

и выше.

Скоро Земля и Солнце превратились в маленькие точки, и они закружили в хороводе мириадом звезд. В какой-то момент над самой Петинной головой оказалась огромная стеклянная сфера, сквозь которую он различил небольших существ, напоминающих гномов. Они отличались от обычных гномов тем, что у них было четыре руки. Присмотревшись, он понял, что находится в центре их жилища. На него был направлен прибор, напоминающий гигантский микроскоп, нижнюю линзу которого он поначалу принял за сферу. Так как он смотрел в обратном направлении, существа, находящиеся с другой стороны микроскопа представлялись ему маленькими. Один из них стал внимательно разглядывать все, что находилось под микроскопом. Он смотрел очень долго и внимательно, а потом спросил:

– Пап, я хочу запустить комету.

– Только не смертоносную, сынок.

Но было уже поздно. Прежде чем прозвучало предостережение отца, рука сорванца коснулась какого-то рычага на приборной панели, на которую Петя ранее не обращал внимания. Тотчас стального цвета стрела пересекла часть пространства под микроскопом, и последовала яркая вспышка.

– Немедленно отойди от пульта! – прокричал разгневанный отец-гном. – Разрушать проще всего.

– Прости, папа, – испуганно сказал малыш.

– Прости его, – сказала мама-гном. – Ведь ты знаешь, как

дети, порой, бывают неоправданно жестоки. Отчего это происходит? – и взгляд мамы-гнома стал задумчив. – Взять и уничтожить целую планету! Может, это оттого, что дети не очень-то знакомы со страданием. В любом случае, чем кричать на ребенка, лучше бы поучил его.

– Он давно уже не ребенок, – ответил папа-гном, который сам уже самозабвенно припал к микроскопу. – Ну, впрочем, ладно. Подойди поближе, сынок. Я покажу тебе саморазвивающуюся систему Гея. Ты мог запросто разрушить и ее своей безответственной выходкой!

– Мы уже опаздываем, ты помнишь, дорогой? – обращаясь к отцу-гному, нежно промолвила мама-гном.

– Как же я забыл, идем! – И гномы-родители молниеносно исчезли.

Вместо них, откуда ни возьмись, появился еще один гном-ребенок. Уже знакомый Пете маленький гном сразу же ожил при виде друга.

– Смотри, отец забыл свернуть систему!

– Здорово, – сказал вновь пришедший. – Полетели?

– А если отец узнает?

– Не узнает, только быстро.

С этими словами два гнома, как показалось Пете, нырнули в верхнюю линзу микроскопа, как будто это было небольшое озеро. В то же мгновение фея слегка подтолкнула Петю в спину, и он, как бы окунувшись в линзу микроскопа, находящуюся с противоположной стороны от гномов, полетел

им навстречу. Мгновение, и Петя запутался в волосах у одного из диковинных созданий. В следующее мгновение они уже мчались по межпланетному пространству. Прошло еще мгновение и...

– Мы на месте, – раздался гномий шепот, и Петя увидел Землю.

– Какие противные эти люди! У них всего две ноги и две руки. Это омерзительно, – говорил один маленький гном другому.

– Противно, конечно, – вторил ему другой. – Но главное, что меня в них раздражает, это их высокое мнение о самих себе.

– Отец говорил мне, что некоторые из них додумались до того, что считают себя чуть ли не вершителями своих судеб!

– Не может быть, – и глаза второго гнома округлились в неподдельном удивлении. – Научились бы сначала различать, что происходит вокруг!

– А ты видел, какой самосуд они устраивают друг над другом? А вот как раз один из представителей этой славной плеяды. Сидит себе на лужайке, как ни в чем не бывало! Хорошо, мол, что дом купил. А сам смотри, что думает.

– Ну и ну, просто нет слов! Сейчас я ему устрою.

С этими словами гном приземлился прямо на лужайке отеческого дома и коснулся одним из своих пальцев груди Павла Павловича. Тот вскрикнул и, задыхаясь, схватился за сердце. Все вокруг сразу погрузилось в суету.

– Что с тобой, Паша? – испуганно спросила Наталия Ильинична мужа. Но он, не в силах произнести и слова, закатив глаза и хрипя, сползал со стула прямо на траву. Наталия Ильинична в бессильной панике подбежала к мужу и произнесла:

– Да что же это такое? Сердце?! Боже мой, он не дышит! Нино!!! Скорее вызывайте скорую!

Из короткого телефонного разговора с врачом выяснилось, что это определенно обширный инфаркт и что скорая будет минут через тридцать.

– Нино, да что же это! Ведь он никогда не жаловался на сердце! Какие тридцать минут, когда он уже не дышит, – только и могла сказать вмиг сделавшаяся несчастной Наталия Ильинична. – Ну, давай же дыши, дыши! Живи! Ну пожалуйста, живи! – в истерике бормотала она, хлопая мужа по щекам.

При этом никто не обращал никакого внимания на двух четырехруких существ, в волосах одного из которых запутался мальчик Петя. Более того, Нино, посланная за стаканом коньяка, дважды прошла сквозь одного из гномов.

– Ладно, отпусти его. Пусть себе поживет, сказал другой гном своему озорному другу.

– Как знаешь, – ответил его приятель-гном и еще раз прикоснулся к груди Павла Павловича своим шаловливым пальцем.

Павел Павлович не заставил себя долго ждать и тотчас же

открыл глаза.

– Пора перемещаться назад. Родители могут вернуться. Отец убьет, если узнает, что мы самовольно вошли в систему, – сказал один из гномов.

Пролетая сквозь великолепный дом Павла Павловича, гномы на мгновение оказались в комнате Пети. В этот миг гном, в волосах которого запутался Петя, тряхнул головой, и мальчик благополучно приземлился прямо к себе в постель. Он уже почти спал, когда услышал голос своей знакомой феи:

– Может быть, ты хочешь посетить теперь страну великанов?

– Нет, пожалуй, лучше без этого, – ответил усталый ребенок и заснул.

Когда он проснулся, солнце уже давно встало и посылало свои приветливые лучи сквозь зелень молодых лип, растущих около Петиного окна. Сон, как это часто случается, был очень быстро забыт. Мальчик спустился на террасу, где вся семья уже собралась к завтраку.

Павел Павлович был особенно бледен.

– Как ты себя чувствуешь, дорогой? – нежно спросила его Наталия Ильинична.

– Ничего, мне гораздо лучше, – промолвил отец семейства.

– Врачи сказали, что это все благодаря твоему тренированному организму. Другой бы... – страшно подумать, – пре-

рвала сама себя Наталия Ильинична. – Не зря ты поддерживаешь себя в хорошей спортивной форме.

– Это уж точно, – обретая былую уверенность, произнес Павел Павлович. – Человек – сам себе хозяин.

В стране Востока

Давным-давно в одной прекрасной стране Востока, где свежие лепестки роз всегда издают пьянящий аромат, пробуждающий все живое к жизни; где некогда по-детски игривый горный ручей, превратившийся в несокрушимый водный поток, стремительно несется, сметая на своем пути любые преграды; где горные луга покрыты сочной травой, дающей жизнь могучим оленям, и где воздух пьянит словно вино, жил-был маленький пастух.

Но жизнь его текла совсем непросто. С утра до вечера он должен был пасти отары овец. И даже ночью, когда стаи лютых волков напоминали о своем присутствии леденящим душу воем, он был начеку рядом с доверенными ему овцами. Ни одна овца не должна была пропасть. Ибо жизнь мальчика в глазах хозяина стада представляла меньшую ценность, чем жизнь овцы. Хозяин стада, наместник великого правителя той страны, сказал однажды отцу пастушонка: «Если я недосчитаюсь хоть одного животного, то сидеть твоему сыну на колу». Отец, бедный батрак, лишь развел руками и пошел себе прочь. Все, что он мог дать мальчику, он уже дал. А было это умение читать и писать, которое отец его приобрел в свои лучшие времена, когда он был визирем шаха небольшого государства. Но жизнь, как известно, переменчива. Пришло чужое войско, и всех, кто не был убит, угнали в рабство.

Мальчик, звали его Алладин, был не только сообразительным, но и бесстрашным. В груди его билось сердце льва. И не боялся он ни волков, ни злого наместника, владельца стада. Хотя единственным его оружием было деревянное копье, которым он умел поразить вожака волков с тридцати шагов, в схватке мальчик предпочитал смерть поражению.

Шли годы, и Алладин, подобно горному ручью, разросшемуся до могучей реки, превратился в красивого сильного юношу.

Он многого хотел, но мало что мог. Он все еще был пастухом, как и годы назад. Желания и страсти раздирали его юную душу. Он хотел гордо скакать на коне, но должен был ходить пешком. Он хотел охотиться на диких зверей, а должен был пасти овец. Как часто мечталось ему во сне о славных военных походах, которые он возглавляет. Но, проснувшись, он видел лишь привычные овечьи морды. В снах он видел себя в атласных одеждах, управляющим государством в окружении своей свиты, – а наяву был одет в лохмотья и жил в окружении все тех же овец. Он хотел прекрасного вина, мечтал о роскошных яствах, но пил всего лишь воду из ручья, закусывая козий сыр грубым хлебом. Но те страсти, что кипели внутри его, принося страдания, все же не давали ему унывать. И оттого он был всегда бодр и весел.

Случилось так, что неподалеку от тех сочных лугов, где протекала юность Алладина, проезжала дочь шаха со своей свитой. Обладая природным любопытством, она, несмотря

на строжайший запрет, выглянула из-за атласных занавесок, чтобы посмотреть на окружающие ее путь красоты. Но увидела красоту молодого юноши-пастуха, смотревшего прямо на нее.

Принцесса подумала: «Какой славный юноша!»

А пастух покраснел. Он никогда до этого не видел такой красавицы. Ему страстно захотелось скакать с ней рядом на коне, победить всех соперников, положить весь мир к ее ногам и, наконец, оставшись с ней наедине на атласных подушках, любить ее всю ночь.

Вместо этого он еле успел увернуться от хлыста одного из стражей принцессы. Ярость вскипела в горячем сердце и, ловко схватившись за едва не поразившую его плеть, юноша сбросил обидчика с коня. Алладин сам вскочил на коня и почувствовал, что скорее умрет, чем снова пойдет пешком. Долго скакал смелый юноша, пока не оторвался от погони. А когда заметил, что стража отстала от него, то понял, что заблудился в глухом лесу и уже не сможет вернуться назад, так как без его присмотра пара овец наверняка пропала. Петляя бесцельно по лесу, все более осознавал он трагизм своего положения. В конце концов, в отчаянии разогнал он коня в желании броситься с ним в стремнину уходящего в пропасть водопада. Но на самом краю обрыва, откуда ни возмись, словно из воздуха возник причудливо одетый старичок. На ногах у него были кожаные сапоги, отделанные алмазами, на голове – фиолетовая широкополая шляпа. Лошадь

Алладина, дико заржав, взвилась на дыбы, грозя столкнуть старичка в пучину. Но странный старик, отвесив поклон, что отдадут лишь шаху, спокойно произнес:

– Приветствую Вас, Ваше Величество, Алладин Третий.

– Что за чушь ты несешь, старик? – сдвинув брови, спросил Алладин, негодуя на того, кто помешал ему мгновение назад бросится в пучину.

– Я думаю, не стоит спешить туда, где ты и без того рано или поздно все равно окажешься, – оставляя вопрос Алладина без внимания, молвил старец.

– Да кто ты такой? И почему называешь меня так странно, будто я и вправду шах?

– Я хозяин этих мест.

– Тут все принадлежит шаху!

– То – лишь еще одна иллюзия, свойственная слабому человеческому разуму. Хотя не будем сейчас об этом. А назвал я тебя так действительно немного преждевременно. Но что с тобой? Чем ты так опечален, что решил покончить собой?

– В моей жизни нет смысла. Она пуста. А я несчастен.

– Как это нет? Ты молод, красив и силен. Ты полон желаний. И оттого жизнь твоя полна. Чего же тебе еще надо? Ты попросту не знаешь, как ты счастлив.

– Но у меня ничего нет, и я ничего не могу. Это убивает меня.

– Это твои необузданные желания убивают тебя. Но помни, что они же придают вкус твоей жизни. И кроме того,

без них ты не смог бы стать шахом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.